

КОРЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО В САМАРЕ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Чжин Сил

Аспирант, Федеральное государственное бюджетное
учреждение Российская академия наук, г. Москва
jinsilci@gmail.com

THE KOREAN COMMUNITY IN SAMARA DURING THE RUSSIAN CIVIL WAR

Jin S.

Summary: This article presents an initial academic exploration of the Korean diaspora residing in the European part of Russia, specifically in the city of Samara, based on documents from the State Archive of the Russian Federation (GARF) dated 1918. Although such information is virtually absent from official population censuses, the available materials indicate that Koreans with Japanese citizenship organized a collective structure and conducted formal negotiations with local authorities, including KOMUCH. These documents offer detailed insight into the organization's structure, forms of internal self-governance, and interaction with external administrative bodies, providing a new perspective on the political agency and geographical scope of Korean migrants' activities during the Russian Civil War. The purpose of this study is to provide an academic introduction to this corpus of sources and to establish a foundation for further expanding the geographical and source-based dimensions of research on the history of Koreans in Russia.

Keywords: migration, Koreans, Samara, diaspora, Russian Civil War.

Аннотация: Настоящая статья представляет собой вступительную попытку исследования корейской диаспоры, проживавшей в европейской части России, в частности в городе Самара, на основе документов, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) за 1918 год. Несмотря на то, что подобные данные практически отсутствуют в официальных переписях населения, представленные материалы свидетельствуют о том, что корейцы, имевшие японское подданство, организовали коллективную структуру и вели официальные переговоры с местными властями, включая КОМУЧ. Документы подробно отражают структуру организации, формы её внутреннего самоуправления и взаимодействие с внешними административными органами, что позволяет по-новому оценить политическую субъектность и географический масштаб активности корейских мигрантов в период Гражданской войны. Цель данного исследования — академическое введение в указанный корпус источников и формирование базы для дальнейшего расширения географических и источниковедческих рамок изучения истории корейцев в России.

Ключевые слова: миграция, корейцы, Самара, диаспора, Гражданская Война в России.

Введение

После 1860-х годов корейская миграция в Россию значительно усилилась, а после установления дипломатических отношений между Кореей и Российской империей в 1884 году продолжалась на постоянной основе. При этом подавляющее большинство переселенцев обосновалось в Дальневосточном регионе, включая Приморье.

Между тем, с началом строительства Транссибирской магистрали в 1891 году резко возрос спрос на рабочую силу на участках железной дороги, проходящих через Челябинск, Омск и Томск, что позволяет предположить привлечение корейских рабочих.

Однако расширение корейской миграции за пределы Дальнего Востока со временем стало ограничиваться более строгими мерами. После русско-японской войны 1904–1905 годов и заключения Японо-корейского договора (Договор Эульса) в 1905 году российские власти, находясь в состоянии конфликта с Японией, стали опасаться корейцев и китайцев как возможных японских шпионов из-за внешнего сходства, что повлекло за собой ужесточение контроля над их перемещением вне

Дальнего Востока[6, С.26].

В результате научные исследования, посвященные корейской миграции в России, концентрировались преимущественно в регионе Дальнего Востока, где и сегодня продолжают активные исследования на основе сравнительно богатой источниковой базы. Однако социальная структура и формы организации корейцев в европейской части России — особенно в среднем Поволжье и, в частности, в Самаре — остаются слабоизученными в силу нехватки источников. Были проведены отдельные исследования, основанные на данных переписей населения, с целью общего обзора корейцев в Европейской части России [6], а также отдельных регионов, таких как Пермский край в Урале[3] и Мурманская область[4, 5].

12 августа 1919 года в Москве состоялся митинг корейских рабочих, в котором приняли участие около 200 человек. На нём участники выразили резкий протест против оккупации родины Японской империей и призывали к солидарности корейских рабочих, разбросанных по всей территории России. Согласно сохранившимся свидетельствам, к тому времени корейцы проживали не только в Москве, но также в Ленинграде, Казани, Вологде, Саратове и различных районах Украины, что под-

тверждает их присутствие в самых разных регионах Европейской части России [1, С.31-34].

После окончания революции и гражданской войны и официального образования Советского Союза в 1922 году, корейские поселения были уже сформированы в ряде крупных городов страны. На общесоюзном уровне была организована Корейская федерация рабочих, отделения которой существовали в таких городах, как Москва, Петроград, Екатеринбург, Омск, Томск, Ново-николаевск, Киев, Харьков, Донецк, Мурманск и других. Это свидетельствует о широком географическом распространении корейцев от Европейской России до Центральной Азии [2, С. 68-69].

Тем не менее, согласно данным переписи населения СССР 1926 года, общее количество корейцев в стране составляло 86 999 человек, из которых только 926 проживали в Европейской России (817 мужчин и 109 женщин). Особенно показательно, что в Самарском регионе числились всего два корейца, что резко расходится с фактическими данными о численности корейцев в Самаре за 1918 год, обнаруженными в архивных источниках [26].

Это расхождение между архивными данными и официальной статистикой указывает на необходимость пересмотра и дополнительного анализа роли корейцев, которые после аннексии Кореи Японией были официально признаны японскими подданными. В условиях политической нестабильности периода гражданской войны они не только самоорганизовывались, но и выдвигали требования дипломатической автономии, частично реализованные на практике. Настоящее исследование направлено на реконструкцию исторической реальности — организационной и политической деятельности корейцев в Самаре в 1918 году — через анализ источников, а также на расширение географических границ исследования истории корейцев в России за пределами Дальнего Востока.

Методы и принципы исследования

На этом фоне архивные материалы за 1918 год, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), фонд 667, опись 1, дело 10 (Ф.667, Оп.1, Д.10), объемом 21 листов, охватывающий период с августа по сентябрь 1918 года, представляют собой важный источник, позволяющий реконструировать уникальный случай — формирование корейской общины в городе Самара в период Гражданской войны. Эти документы свидетельствуют о том, что корейцы, имевшие японское подданство, создали организованную структуру и вступили в официальный контакт с местными властями, включая Временное правительство (КОМУЧ), Министерство иностранных дел и городскую полицию [7]. Настоящее исследование представляет собой структуриро-

ванный анализ указанных архивных документов с целью их научной систематизации и введения в научный оборот, а также обозначения направлений для расширения географических и источниковедческих рамок изучения истории миграции корейцев в России.

Основные результаты

2 августа 1918 года проживающие в Самаре корейцы с японским подданством подали прошение в Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (КОМУЧ) с просьбой официально признать их общинную организацию. В прошении указывалось, что из-за нестабильности, вызванной гражданской войной, их правовое и социальное положение стало крайне неустойчивым, и для защиты своих интересов они сформировали представительный орган во главе со старшиной, которого просили признать официальным представителем в переговорах с властями [8].

16 августа в ответ на это Ведомство иностранных дел одобрило создание общины и запросило официальную информацию о составе и структуре руководства [9]. 17 августа на собрании по адресу улица Вознесенская, дом 138, была окончательно утверждена структура управления, а также определены рабочие часы офиса общины. Избранным старшиной стал Им-Ю-Ню; в качестве товарища старшины был назначен Пян-Ха-Нэ, секретаря — Ю-Тон-Ха, а представителя правления — Син-Та-Юрь [10].

В дополнение к этому, в следующем документе подтверждается, что сведения были переданы также в самарскую городскую милицию. Особенно примечательно, что в документе указывается, что старшина общины имеет полномочия, эквивалентные консульским (почетный вице-консул), что свидетельствует о фактическом признании общины как административной единицы с частичным дипломатическим статусом [11].

Одним из документов, заслуживающих внимания, является обращение, направленное 22 августа 1918 года Корейским обществом в Самаре в Ведомство иностранных дел КОМУЧ. В нём содержится печать с надписью на китайских иероглифах «韓人民會» (Корейское народное общество), а в тексте на русском языке община обозначена как «Национальное корейское общество японское подданство г. Самара» [17].

Это свидетельствует о том, что данная организация сохраняла этническую идентичность во внутренней символике, тогда как в официальных документах использовала правовой статус японских подданных и иное наименование в административных взаимодействиях. При этом в ряде официальных документов КОМУЧ община последовательно именуется как «Японская колония»,

что подчёркивает закреплённое за ней административное обозначение, не отражающее её фактический этнический состав [22].

Таким образом, в наименовании данной общины чётко прослеживается двойной уровень идентичности: с одной стороны, этнокультурное самоназвание, зафиксированное в печати и символике; с другой — юриди-ко-административное обозначение, использовавшееся в контактах с властями. Эта двойственность отражает стратегию адаптации корейской диаспоры к условиям политической неопределённости и необходимости правовой легитимации в условиях гражданской войны.

После официального признания организации это общество обратилось с просьбой о возвращении на родину группы корейских рабочих. Согласно документами, 31 корейский рабочий подал прошение на выезд на родину через Владивосток [12]. Это прошение было поддержано японским генеральным консульством в Москве [13], а Ведомство иностранных дел КОМУЧ одобрило выезд, поручив железнодорожным и местным административным органам оказать полное содействие в организации переезда [14, 15]. Документы также включают именной список 34 корейцев с японским подданством, что свидетельствует о высокой степени формализации и системности процедуры возвращения [16].

Через переписку между консульством, внешнеполитическим ведомством, железнодорожным министерством и милицией можно проследить комплексную административную обработку выезда, демонстрирующую, что община действовала как посредник и представитель интересов корейских рабочих, обладая фактической юридической дееспособностью в рамках внутренней российской бюрократии.

Документы, составленные 2 и 3 сентября 1918 года, позволяют установить, что старшина японской колонии в Самаре — Им Ю Нью — фактически исполнял административные функции, выходящие за рамки символического представительства.

2 сентября общество передало финансовую помощь двум основным военным силам, действовавшим в регионе: Чехословацкому корпусу и Народной армии. Каждой стороне было передано по 250 рублей, причём данные действия были официально санкционированы Ведомством иностранных дел и подтверждены адресатам — генералу Власаку и командованию Народной армии [20, 21].

Документы показывают информацию о том, что Ведомство иностранных дел официально выделило общине 500 рублей, предписав направить их в виде помощи указанным военным формированиям. О факте передачи

было также сообщено в редакцию "Вестника Учредительного собрания", что свидетельствует о публичности и институциональном характере данной инициативы [25].

В условиях гражданской войны невозможно однозначно определить, носили ли финансовые пожертвования общества характер вынужденной меры для получения признания или были добровольной инициативой. Скорее, их следует интерпретировать не как стратегический дипломатический акт, а как прагматическую реакцию, направленную на получение административного одобрения и сохранение внутренней организационной структуры.

На следующий день, 3 сентября, Ведомство иностранных дел направило запрос о необходимости предварительного согласования выезда корейцев с представителем колонии, а Ведомство внутренних дел подтвердило, что разрешения на выезд будут выдаваться исключительно по его рекомендации [22]. Аналогичное указание содержится и в документе, адресованном начальнику штаба охраны, где предписывается учитывать мнение японской колонии при оформлении пропусков и удостоверений [23].

Наиболее показательным в этом отношении является документ — официальное удостоверение, выданное Министерством иностранных дел, в котором Им Ю-Нью признается официальным представителем японской колонии и ему предоставляется статус, сопоставимый с почетным вице-консулом. Указывается, что он имеет право защищать интересы японских подданных, проживающих в Самаре, и вести с властями официальную переписку от имени общества [24].

Все эти меры свидетельствуют о том, что представитель корейской колонии обладал официально признанной посреднической ролью в административном взаимодействии с местными властями.

Особый интерес в изучении структуры самарского корейского общества представляют документы, в которых рассматривается случай корейца по имени Хан Гу, не входившего в официальный список общины. Согласно данным, Хан Гу состоял в контрразведке Народной армии и подал прошение о выезде из Самары в Иркутск. Он представил удостоверение, подтверждающее его службу, и просил выдать разрешение на выезд [18].

Однако в документе, направленном Ведомством иностранных дел в контрразведку, говорится о том, что его запрос отклоняется. Отказ был мотивирован двумя причинами: во-первых, представленные документы не соответствовали формальным требованиям (отсутствие номера и даты регистрации), а во-вторых, Хан Гу не

входил в официальный список самарского корейского общества. Следовательно, Ведомство отказалось выдать ему разрешение на выезд, ссылаясь на то, что оно может быть предоставлено только тем, кто зарегистрирован в утвержденной структуре колонии [19].

Этот случай показывает, что административные полномочия общины распространялись не только на ее членов, но также служили механизмом исключения: те, кто находился за пределами общинной структуры, не могли рассчитывать на поддержку или формальные гарантии. В условиях нестабильности Гражданской войны это означало реальное ограничение в правах и возможностях, что подчеркивает значимость статуса членства в признанной политико-административной единице.

Рассматриваемый архивный комплекс охватывает период всего в 1–2 месяца — с начала августа по конец сентября 1918 года. После этого времени, ввиду резкой смены политической обстановки в городе Самаре, не обнаружено ни дополнительных документов, ни свидетельств о дальнейшем функционировании корейской общины. В частности, остается неизвестным, была ли осуществлена репатриация 31 рабочих, упомянутых в источниках, а также сохранилась ли сама структура общины после сентября 1918 года.

Как уже упоминалось выше, более поздние данные, в частности перепись населения СССР 1926 года, фиксируют всего двух корейцев в Самарской губернии. Это кардинально расходится с численностью и активностью,

зафиксированной в документах 1918 года. Такое несоответствие может свидетельствовать либо о стремительной ликвидации корейского общества, либо о ее переезде, административной переклассификации или же о неполноте статистической регистрации [26].

Заключение

Таким образом, данный комплекс источников представляет собой уникальный, но ограниченный по времени фрагмент, демонстрирующий существование корейской общины, обладавшей политической субъектностью и частичной дипломатической автономией в условиях Гражданской войны. Однако на данном этапе невозможно с уверенностью охарактеризовать внутреннюю структуру, длительность существования и дальнейшую судьбу этого общества. Это требует исследовательской сдержанности и отказа от поспешных обобщений.

Настоящее исследование вносит вклад в расширение географии корейской истории в России за пределами Дальнего Востока. В частности, оно показывает, что даже в центральной части Европейской России — в Самаре — существовали случаи формирования корейских общин, обладавших способностью к административной организации и политической инициативе. При дальнейшем обнаружении источников, относящихся к другим регионам и временным периодам, будет возможна более комплексная реконструкция истории корейского присутствия в России в эпоху империи и революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бугай Н.Ф. Корейцы в Союзе ССР-России: XX-й век. (История в документах) — М.: ИНСАН, 2004. — С. 31–34.
2. Бугай Н.Ф. Сим Хон Ёнг. Общественные объединения корейцев России: конститутивность, эволюция, признание/ Н.Ф. Бугай, Сим Хон Ёнг. Новый хронограф, 2004. — С. 68–69.
3. Каменских М.С. Корейцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. — Пермь, 2014. — 192 с.
4. Ким То Хен. Исследование первой корейской организации во Франции: «Корейская народная ассоциация во Франции» // Исследования по истории движения за независимость Кореи (Hanguk doknip undongsa yeongu). — 2017. — № 60. — С. 133–166.
5. Ким В. Корейцы на Мурмане (1916–1920 гг.) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://koryo-saram.site/korejczy-na-murmane-1916-1920-g-g/> свободный (дата обращения: 10.03.2025).
6. Хван Енсам. Исследование формирования ранних корейских общин: на примере европейской части России и Центральной Азии // Минджок энгу (Исследования нации). — 2010. — № 43. — С. 23–45.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 1.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 2.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 4.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 5.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 6.
13. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 7.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 8.
15. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 9.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 11.

17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 12.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 13.
19. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 14.
20. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 15.
21. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 16.
22. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 17.
23. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 18.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 19.
25. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 667, оп. 1, д. 10, л. 20.
26. Всесоюзная перепись населения 1926 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=407 – свободный (дата обращения: 15.03.2025).

© Чжин Сил (jinsilci@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»